

УТВЕРЖДАЮ
Директор ИЛИ РАН

академик РАН
Николай Николаевич Казанский

Отзыв

ведущей организации Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт лингвистических исследований РАН»
о диссертации Валентины Юрьевны Апресян
«Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке»
на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.02.19 – Теория языка

Диссертационное исследование В.Ю. Апресян посвящено важной и актуальной теме – в нем описывается то, каким образом в языке формируются сложные значения. Работа распадается на три тематических блока: первый блок охватывает описание системы средств выражения уступки, во втором блоке анализируется семантический класс выражения эмоций, третья, меньшая по объему, часть описывает дейктические маркеры времени и пространства. Такая композиция обусловлена различным статусом описываемых явлений: если при анализе поля уступки мы имеем дело с разноуровневой структурой, важнейшую роль в которой играют грамматические компоненты, то во втором разделе анализ в равной степени опирается и на лексические особенности (описание существительных, обозначающих эмоции), и на синтаксическое окружение глаголов эмоций. В третьем разделе речь идет, в первую очередь, о лексическом значении временных и пространственных показателей. Анализ проводится на материале русского языка, данные которого сопоставляются с английскими соответствиями. Наиболее последовательно сопоставление с английским языком проводится во втором разделе, посвященном выражению эмоций. В диссертации учитывается значительное число научных исследований: из 344 пунктов списка литературы около половины составляют работы на иностранных языках. Общий объем диссертации велик и составляет 609 страниц текста, не считая библиографии.

Актуальность проведенного исследования по всем трем тематическим блокам несомненна: уступительное значение в русском языке характеризуется особенной сложностью и разветвленностью средств выражения и мало исследовано в сопоставительном аспекте; семантический класс эмоций является идиоспецифичным в любом языке, описание его валентностных свойств в настоящее время проводится в рамках несколь-

ких научных направлений, а система обозначения элементов времени и пространства также отличается высокой степенью языковой специализации (ср. материалы недавнего симпозиума 2012 г. “Time and Space in Saint Petersburg”).

http://www.cas.uio.no/research/1112timeisspace/Conference_StPetersburg.pdf.)

Не случайно то, что во всех трех избранных тематических областях автору удастся сказать нечто новое.

В работе представлено исчерпывающее описание избранных семантических блоков, в каждом из которых автором отмечены многочисленные особенности, последовательное описание которых имеет большую теоретическую и практическую ценность. Сопоставительный анализ демонстрирует глубокое (близкое к естественному) знание английского языка и уникальное проникновение в семантику русских лексических и грамматических единиц.

Степень обоснованности результатов

В диссертации широко применяются корпусные методы, причем используется не только Национальный корпус русского языка, но и менее известный в России веб-базируемый корпус ruTenTen, а также – в качестве источников данных английского языка – корпуса COCA (Corpus of Contemporary American) и enTenTen. Поиск описываемых единиц в корпусах и сопутствующий ему количественный анализ результатов обеспечивает **достоверность** полученных данных. Собственно, достоверность определяется не столько количественными подсчетами, сколько тонким и детальным описанием лексических значений избранных единиц в мельчайших нюансах. В работе уместно и квалифицированно используются данные смежных наук, в первую очередь, нейролингвистики. Это особенно удачно проявляется при анализе семантики эмоций, для которого последовательно привлекаются новые данные, полученные при наблюдении активации отдельных участков мозга. Заслуживает большого внимания попытка сопоставить объективные результаты нейролингвистических исследований и специфические для каждого из избранных языков представления указанных значений в речи. Кроме того, о достоверности свидетельствует и всесторонняя апробация работы: автором опубликовано значительное количество статей в российских и международных журналах, получивших признание и отразивших основные теоретические и практические положения работы. Все части исследования входят как составная часть в Активный словарь русского языка. Отдельные части диссертации обсуждались на многочисленных научных конференциях в России и за рубежом. Все это говорит о том, что результаты исследования не только внушают доверие, но и хорошо известны в научном сообществе.

Научная новизна и личный вклад автора

В первую очередь, **новизна** наблюдений В.Ю. Апресян касается

уточнения или создания словарных дефиниций целого ряда лексем. Так, заслуживают внимания все словарные статьи, приводимые в главе 7 первого раздела и описывающие союзы, союзные слова и частицы с уступительным значением. Однако и в основном тексте работы рассыпаны тонкие наблюдения за функционированием различных вокабул. Например, на с. 84-86 синонимичные фраземы *несмотря ни на что* и *даром что* сравниваются с союзами *хотя* и *хоть*. Как показывает анализ примеров, для обеих фразем характерно усложнение семантического прототипа (выражаемого в *хотя, хоть*). Они употребляются тогда, когда вводимая ими ситуация является **существенным** препятствием для желаемой ситуации Q, ср. *Мы гуляли два часа, даром что лил ливень* при сомнительном ... *даром что дождик немного накрапывал*. Таких наблюдений в работе множество. Существенный вклад автора состоит в объективности наблюдений и проверяемости выводов.

Методика кластерного анализа, примененная к описанию эмоций в русском и английском языках, позволила выделить негативно оцениваемые подтипы большинства эмоций, такие как 'неэтичный страх,' 'неэтичный гнев,' 'неэтичная радость,' 'чрезмерный стыд' и т.д. Эти разновидности эмоций выделяются на лексическом уровне в обоих языках. Однако распределение выражающих их лексем по частотности оказывается в двух языках различным: так, самыми частотными «видами гнева» в английском оказываются «нейтральный гнев» и «сильный неконтролируемый гнев с агрессивными проявлениями». Для русского языка в этой позиции оказались «оправданный гнев» и «гнев от не очень серьезного, но неприятного и повторяющегося стимула». Автор считает, что для таких распределений можно найти прагматические и семантические объяснения, так как подобные предпочтения могут диктоваться внутриязыковыми правилами семантического согласования. Во многих случаях, однако, повышенной частотностью отличается доминанта синонимического ряда. Это позволяет задуматься об универсальных законах порождения речи: «семантически менее осложненная единица применима к большему числу контекстов» (с. 425).

Интересны рассуждения автора о соотношении употреблений пространственных наречий *тут* и *здесь*. На основании анализа контекстов употребления удастся продемонстрировать, что наречие *здесь* описывает местонахождение объектов по отношению к месту, о котором уже шла речь. Это объясняется его сочетаемостью преимущественно со статичными предикатами местонахождения. Наречие *тут* чаще сочетается с динамическими предикатами и склонно к дейктичности, то есть к обозначению местоположения объекта по отношению к говорящему (с. 518-519). Такие рассуждения имеют большую **практическую значимость**, особенно для преподавания русского языка как иностранного, для объяснения ошибок инофонов и составления упражнений для них. Именно в этом случае важными оказываются даже небольшие различия в семантике языковых единиц, поэтому существенны разграничения временных, про-

странственных, таксисных значений обоих наречий, а также выделенные у них и их производных дополнительные семантические компоненты, такие как «следование, немедленность следования, неожиданность» (для *и тут*) (с. 525).

Теоретическая значимость работы

Для некоторых вокабул автор прослеживает подробно истоки их современного значения и употребления (см. анализ эволюции значения вокабулы *правда* в истории русского языка). На примере конкретного анализа словоупотреблений предпринимается попытка создания целостной картины развития и закрепления в языке сложных значений лексических единиц. Эти наблюдения выходят за рамки конкретного лексикографического описания и представляют **теоретическую** разработку формирования понятий. Детальный анализ истории лексических значений вносит существенный вклад не только в теоретическую семантику, общую лексикографию, но и значительно обогащает когнитивные описания русского языка, исследования его лингвоспецифичности, «картины мира», является основой для научного переводоведения.

Важным и новым аспектом описания во всех трех блоках является опыт выделения прототипических компонентов рассматриваемых значений и семантических наращений, усложняющих их структуру. Такой иерархический способ описания существенен для теории современной лексикографии и общей семантики.

Теоретически важно сопоставление в рамках работы так наз. «стандартных» и «нестандартных» конструкций на материале уступительных отношений в русском языке (глава 4 раздела 1). К стандартным конструкциям автор относит композиционные синтаксические сочетания. К нестандартным конструкциям относятся такие синтаксические сочетания, которые содержат и воспроизводимые, и свободно заполняемые компоненты. Сразу стоит заметить, что статус нестандартных конструкций в языковой системе остается спорным. Они занимают промежуточное положение между идиомами (фраземами) и синтаксическими сочетаниями, причем сам автор пишет, что определить границы между этими явлениями довольно трудно. Спорным в данном случае является то, что обычные композиционные сочетания автор рассматривает в рамках конструкций, хотя некомпозиционность является основным признаком конструкций в соответствующей традиции.

Подмеченные автором грамматические особенности конструкций (или «нестандартных» конструкций, в терминологии автора) вызывают большой **теоретический** интерес. Предпочтение видовых форм уступительными конструкциями с разными видами местоимений (с. 196) относится к нетривиальным наблюдениям, так же как и рассуждения о том, что союзы *хотя* 1 и *несмотря на* оформляют, как правило, существующие

ситуации, «в то время как частицы *пусть* 3 и *пускай* 3 перспективны и предположительны» (с. 72). Нетривиальны также и все рассуждения автора, касающиеся предпочтения акционального класса глагола при разных показателях уступки (с. 193 и далее). Все эти наблюдения представляют значительный теоретический интерес, так как свидетельствуют о частичной воспроизводимости рассматриваемых конструкций, о том, что говорящий, произнося их, следует готовому грамматическому шаблону. Этот поворот темы, так же как эксплицитный учет разноуровневых средств выражения уступительного значения, может быть и интересной задачей дальнейшего исследования. Автор сам пишет на с. 35: «*При этом мы не рассматриваем приводимый нами список как закрытый и окончательный: напротив, в дальнейших работах мы планируем проанализировать ряд не вошедших в данную книгу языковых единиц, семантика которых в той или иной мере связана с уступительностью. А именно: предлог вопреки; глаголы уступить, признать, приходиться ...; существительные уступка, компромисс и некоторые другие*». Позиция автора в данном случае смыкается с позицией авторов «Теории функциональной грамматики», ставящей своей целью описание всей системы разноуровневых средств выражения определенного семантического поля. В диссертации В.Ю. Апресян представлен (в соответствии с теоретической установкой на позицию МСШ) исходно лексический метод описания, однако делаются важные наблюдения относительно грамматических особенностей рассматриваемых единиц.

Большое теоретическое значение имеет также разграничение акциональных подклассов. Приведем в пример тонкое описание различий между фактивными и путативными употреблениями эмоциональных глаголов (481 и далее). Новым и очень актуальным является последовательное применение методики кластерного анализа для описания глаголов эмоций.

В диссертации также намечены пути описания типовых содержательных структур, называемых в функциональной грамматике «категориальными ситуациями». Например, при описании конструкции «как ни + прилаг.» (с. 175-188) выделяются «извиняющиеся употребления» (*как ни страшно, дико, ужасно это звучит*), «уравновешивающие употребления» (*как ни хороша Мария, сестра лучше или умной ее не назовешь*), «уступительные употребления» — для всех прилагательных и наречий (как ни сильно его тянуло к ней, он держал себя в руках). Иными словами, нетривиальным результатом здесь является обнаружение часто встречающихся семантических подтипов, выделенных на основе их функции и линейной структуры.

Работа отличается большим объемом (637 страниц текста, три раздела, 14 глав), поэтому мы не сможем в отзыве отразить все интересные моменты, затронутые в ней. Полагаем, однако, что приведенных примеров достаточно, чтобы сказать, что это законченная самостоятельная ра-

бота, имеющая большое теоретическое и практическое значение. Конечно, как и во всяком большом исследовании, в ней встречаются положения, которые требуют обсуждения или могут вызвать другую (по сравнению с авторской) интерпретацию.

1) Первый вопрос связан с употреблением терминов.

Возражение вызывает, как уже говорилось, выделение трех типов конструкций (а иногда и четырех типов, если учесть явление так называемого coercion – давления синтаксической структуры на интерпретацию общего смысла высказывания).

Так, на с. 168 приводится следующее описание конструкции с к-словами и *ни*:

“Семантически и сочетаемостно реализации этой конструкции представлены четырьмя типами единиц, между которыми не всегда существуют строгие границы: а) Фраземы (*Куда ни кинь, везде клин*); б) Устойчивые коллокации (*Как он ни старался, ничего не вышло*); в) Свободные сочетания (*Как жена ни расспрашивала, он ничего ей не сказал*); г) Coercion, или «давление синтаксиса на семантику» (*Как она ни копала налоговую отчетность, все было в полном порядке*)” – в соответствии с пониманием, изложенным в статье Голдберг (Goldberg 1995).”

Употребление термина “конструкция” по отношению и к свободным сочетаниям, и к фраземам, и к случаям четвертого типа вызывает сомнение в его необходимости здесь и расходится с общепринятым.

Возражения вызывает также и применение термина «к-местоимения» по отношению к вопросительным местоимениям (в том числе и таким как *где, что, сколько, зачем*, в которых на синхронном уровне никакого –к- не выделяется) по аналогии с английским wh-words.

2) Возражения и уточнения, касающиеся гипотез.

Высказанная автором гипотеза о том, что именно нестандартные конструкции особенно склонны иметь лексически излюбленные варианты заполнения в целом является нетривиальной и вызывает интерес. Однако в качестве уточнения можно сказать, что свободные синтаксические структуры также могут демонстрировать сильные лексические предпочтения, ср., например, аргументные структуры, которые склонны встречаться с одними глагольными лексемами в большей степени, чем с другими, что показывается в цитируемой автором работе Грися и Стефановича или в статье о глаголах *есть* и *пить* Ньюмана и Райса. Вопрос состоит в том, насколько это утверждение специфично именно

для конструкций, или – в терминологии автора – для нестандартных конструкций?

Ср. также рассуждение на с. 425. «Таким образом, по-видимому, мы имеем дело с некоторой фундаментальной тенденцией семантико-прагматического устройства языка: среди многих семантически возможных вариантов реализации прагматически доминирующим является один (иногда два, максимум несколько). Подобно тому, как отдельные лексемы образуют коллокации, т.е. имеют контексты-«фавориты», так и конструкции, и синонимические ряды, и семантические поля имеют частотно предпочтительные варианты реализации». Если это утверждение верно, то предпочтительные варианты реализации характерны не только для «нестандартных конструкций»?

- 3) Возражения, касающиеся интерпретаций. Как при чтении любой работы, связанной с семантическими интерпретациями допустимости того или иного контекста, у нас возникли вопросы, касающиеся интерпретации примеров.

Так, на с. 161 примеры 102-103 отмечены как прагматически неадекватные из-за того, что в них нет оценки:

«102) ??*При всей своей плотности черные дыры относительно компактны.*

103) ??*При всей своей глубине, это озеро маленькое.*».

Первое предложение (102) не вызывает сомнений, и требуются аргументы для того, чтобы показать, что оно нестандартно; во втором (103) низкая вероятность такого употребления объясняется не отсутствием оценки, а полной формой прилагательного – именной части, ср. *При всей своей глубине, это озеро невелико* (ср. также с примерами 104-105 на той же странице). Иными словами, здесь, как и в некоторых других случаях, автор выдвигает семантическое объяснение, в то время как грамматическое оказывается предпочтительным.

Приведем еще такие примеры:

На с. 167. частичная неприемлемость предложения *Как ни лил дождь всю ночь, к утру все высохло* объясняется отсутствием антропоцентричности или оценки, в то время как наибольшим препятствием здесь является лишнее обстоятельство интенсивности – *всю ночь*, которое плохо совмещается с уже присутствующим *как*.

На с. 276-277 приводятся примеры *Лечить-то его лечили, только он умер. Телевизор-то мы купили, только он не работает.* vs. *Лечить его лечили, правда, он умер; Телевизор-то мы купили, правда, он не работает.*

Автор считает (в противоположность В. З. Санникову), что примеры с *только* более приемлемы, чем примеры с *правда*, на основании того, что *только* требует особенного соотношения ситуаций: первая должна быть важнее, чем вторая. Кажется, для этого нет оснований или требуются дополнительные аргументы, возможно также, что это справедливо в отношении примера с лечением, но несправедливо во втором случае. Вопрос касается не только интерпретации этих конкретных примеров, а в общем виде тех критериев приемлемости, которые автор применяет.

На с. 190 можно найти интересные рассуждения автора о влиянии видовых форм глагола на интерпретацию конструкции *как ни* + *глагол*: формы НСВ (обычно в прошедшем вр. и в изъявительном наклонении) дают уступительную интерпретацию, а формы СВ (обычно в будущем вр. или в императиве) дают интерпретацию 'любого варианта' ср. *Как ни смотрели...* и *как ни смотри...*. В этом случае наблюдается сложное взаимодействие глагольных категорий. Как можно обосновать влияние форм вида, а не времени или наклонения в данном случае?

Примеры на с. 131 показывают, что выбор между причинно-следственной и уступительной интерпретацией часто определяется усилительной частицей *и*, которая, как кажется, является маркером уступительной трактовки конструкций «*при таком X*». Вопрос: насколько учитывается контекстное окружение и как автор относится к проблеме соотношения системы и среды?

К этому же замечанию следует отнести и следующее: в обширном списке использованной литературы отсутствуют некоторые работы, которые нам кажутся существенными: так, не учитывается раздел В.Б. Евтюхина «Группировка полей обусловленности» из книги «Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Обусловленность. 1996», а ведь именно в нем сделана попытка описать взаимодействие разноуровневых средств выражения обусловленности, включающих уступку, и рассматриваются уступительные ситуации. Выпала из поля зрения автора «Грамматика современного русского литературного языка» 1970 года с описанием средств выражения обусловленности В. А. Белошапковой, отсутствует описание средств выражения уступки в английском и немецком Д. Барт-Вайнгартен (2003). Конечно, отсутствие каких-либо работ в современном лингвистическом исследовании почти неизбежно при современном обилии литературы, но, как кажется, именно в этих исследованиях подчеркивается роль грамматического, точнее, синтаксического компонента в поле средств выражения уступительности, так что было бы интересно на защите услышать точку зрения автора на соотношение лексических и грамматических компонентов данной категории.

Вопросы, касающиеся интерпретаций, разумеется, не противоречат основным выводам автора и не уменьшают значимость сделанных наблюдений и проведенного исследования в целом.

Заключение о соответствии рецензируемой диссертации «Положению о присуждении ученых степеней»

Диссертация В.Ю. Апресян является самостоятельной завершённой работой, имеющей большую теоретическую и практическую значимость не только для исследований по лексической семантике, но и для описания феноменов уступительности, глаголов эмоций и темпорально-пространственных показателей в любой теоретической модели. Автор вносит существенный вклад в семантическое, грамматическое и прагматическое описание русского языка, а также в когнитивные исследования, вопросы переводоведения и в общую теорию грамматики. Опубликованные работы и автореферат в полной мере отражают содержание исследования. Оно отвечает всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора филологических наук (п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а его автор, Валентина Юрьевна Апресян, несомненно, заслуживает присуждения ей ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

Отзыв составлен заведующим отделом теории грамматики ИЛИ РАН, д.ф.н. М. Д. Воейковой, обсужден и утвержден на заседании отдела теории грамматики ФГБУН "Институт лингвистических исследований РАН" 21 апреля 2015 г., протокол № 5.

Заведующий отделом теории грамматики
ФГБУН "Институт лингвистических исследований РАН"

д.ф.н. доцент

специальность 10.02.01 — русский язык

199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9

+7 (812) 328-16-12

e-mail: teorgram@gmail.com

М.Д. Воейкова

Секретарь отдела теории грамматики
ФГБУН "Институт лингвистических исследований РАН"

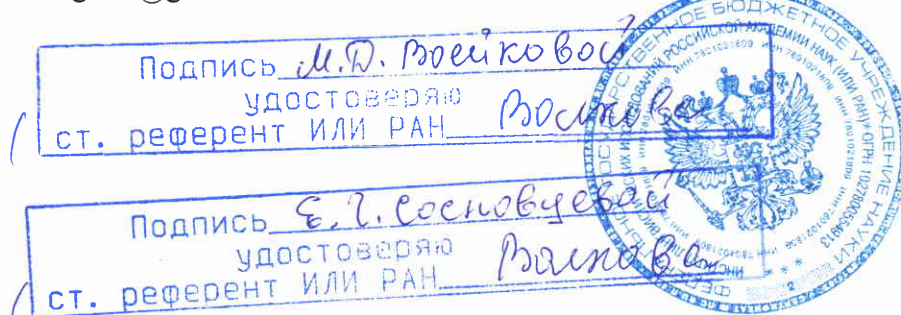
к.ф.н.

199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9

+7 (812) 328-16-12

e-mail: teorgram@gmail.com

Е.Г. Сосновцева

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
"Институт лингвистических исследований Российской академии наук"
г. Санкт-Петербург
199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9
+7 (812) 328-16-11
iliran@mail.ru
<http://iling.spb.ru>